

## РОССИЙСКАЯ ШКОЛА КНИГОВЕДЕНИЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

НАТАЛИЯ ЛЕЛИКОВА

Российская национальная библиотека, отдел библиографии и краеведения  
Садовая ул. 18, Санкт-Петербург, Россия  
E-mail: lelikova@nlr.ru

Тенденции формирования особой науки, объединяющей комплекс дисциплин, научных и практических знаний, так или иначе связанных с книгой, проявились в Западной Европе еще в XVIII в.

К. Мигонь в своих работах, в том числе переведенной на русский язык в 1991 г. монографии «Наука о книге» [11], представляет логичную периодизацию этой науки, выделяя три основных периода: библиографический, библиотекведческий и книговедческий – в зависимости от того, какая из дисциплин на том или ином этапе играла роль обобщающей в данном комплексе.

Изучение процессов развития науки о книге в России убеждает нас в том, что периодизация К. Мигоня носит универсальный характер, т. е. иллюстрирует положение, сложившееся не только в западной, но и в российской науке. Библиографический период развития науки о книге характеризуется тем, что в качестве обобщающей науки, объединяющей комплекс дисциплин, связанных с книгой, выделялась библиография, которую в то время часто отождествляли с библиологией. Следует отметить, что в состав «библиографического» комплекса, помимо собственно библиографических, тогда входили не только книговедческие и библиотекведческие дисциплины, но и историко-литературные, а зачастую и вспомогательные исторические дисциплины. В России библиографический период начинается с начала XIX в. и связан с проникновением в отечественную науку книговедческих идей западных (преимущественно французских) ученых.

В течение всего XIX в. в России библиография рассматривалась как некая комплексная наука, объединяющая дисциплины, связанные с книгой. Это, так называемое «расширительное», понимание библиографии было не только результатом терминологической неразработанности или слабого развития ее теории, но и следствием недифференцированности гуманитарного знания.

В XIX веке наука о книге в России прошла сложный путь развития. В качестве обобщающей дисциплины выделялась библиография, и хотя ее трактовка в начале и в конце века, казалось бы, оставалась неизменной – библиография рассматривалась как синоним науки о книге (книговедения) в целом, в составе «библиографического» комплекса произошли существенные изменения. Происходит формирование проблематики отдельных дисциплин, входивших в так называемый «библиографический» комплекс, и выделением их в качестве самостоятельных (в первую очередь это коснулось археографии и вспомогательных исторических дисциплин, истории литературы). Особое значение для становления науки о книге имело в то время и развитие самой библиографии, в первую очередь постепенно меняющиеся представления о ее статусе и месте в системе научного знания в целом, и знания книговедческого в частности. Вначале она рассматривалась как полноценная научная описательная историческая дисциплина в ряду других таких же наук – «знание книг»; однако постепенно складывается представление о ее вспомогательном значении для других наук, и в конце века в большинстве работ она уже называется «вспомогательной» дисциплиной. В этот период в связи с формированием собственно библиографической проблематики углубляется расслоение «библиографического» комплекса, происходит размежевание библиографии и критики, начинается разделение библиографического и историко-литературного знания, намечаются попытки разграничения библиографии и книговедения.

Библиотековедческий период для России нетипичен, что объяснялось опережающим развитием книговедения по сравнению с библиотековедением. Кстати Россия не единственная страна, в которой библиотековедческий период науки о книге не успел сформироваться. Аналогичная ситуация, насколько можно судить по работам исследователей, сложилась в XIX в. в Великобритании.

Книговедческий период начинает формироваться в России в 1910-е гг. и длится примерно до конца 1920-х гг.

Таким образом, библиографический период развития науки о книге в России завершается в 1910-е гг., когда появляются книговедческие концепции Н.М. Лисовского, А.М. Ловягина, Н.А. Рубакина, оказавшие значительное влияние на формирование российской науки о книге. В качестве обобщающей науки, объединяющей комплекс дисциплин, изучающих книгу в тех или иных аспектах, начинает выделяться книговедение, а библиография рассматривается как его часть – одна из дисциплин книговедческого цикла. В результате не просто изменилась терминология, когда вместо одной обобщающей науки (библиографии) была названа другая (книговедение), – произошло то, что в науковедении называется сменой парадигмы. Парадигма определяется как исходная концептуальная схема – модель постановки и решения проблем, и как формирование системы методов исследования, принятой в течение определенного исторического периода в научном сообществе. В 1910-е гг. в российской науке о книге изменился характер постановки научных проблем, хотя бы потому что комплекс книговедческих дисциплин стал целенаправленно формируемой системой, чего в предшествующий период не было; были заложены основы теории и методологии книговедения, их разработка велась последовательно и целенаправленно. Следовательно, замена исходной концептуальной схемы в науке о книге повлекла за собой иную постановку проблем и их решения, иную методологию исследования объекта науки.

Особое влияние на развитие и отечественного, и зарубежного книговедения оказала концепция Н.М. Лисовского. Ее создатель представил стройную систему науки о книге, в которую входили отдельные книговедческие дисциплины со своим содержанием, своими задачами и методами. Лисовский не просто объединил дисциплины, изучающие книгу, а разработал структуру книговедения, в которой нашлось место и для теоретической дисциплины, названной им «философией книговедения»; он обосновал специфику изучения книги и в книговедении в целом, и в отдельных книговедческих дисциплинах. Одной из важнейших задач философии книговедения Лисовский называл установление внутренней связи между конкретными книговедческими дисциплинами и выработку собственной методологии книговедческой науки.

Появление в тот же период книговедческих концепций А.М. Ловягина и Н.А. Рубакина позволило представить разные аспекты изучения книги, в том

числе с помощью методов родственных дисциплин – социологии и психологии. т. е. начинает формироваться теория и методология книговедения. Противоречивость формирования науки о книге проявлялась в том, что несмотря на появление книговедческих концепций, сохранялась и старая, «расширительная» трактовка библиографии. Рецидивы такого «энциклопедизма» проявились в деятельности возникших библиологических и библиографических обществ, что, в частности, вновь актуализировало в XX в. проблему соотношения библиографии и родственных областей знания (археографии, истории литературы). Изучение сложившейся ситуации дает возможность утверждать, что новые тенденции в развитии науки о книге уживались со старыми.

Традиционно в России рубежным всегда считался 1917 год – год Октябрьской революции, и, как правило, история любой науки распадалась на до- и послереволюционный период. Несомненно, революция, произошедшая в России, изменение политической и идеологической ситуации в стране оказали существенное влияние и на развитие науки о книге, однако изменения проявились не сразу, в течение достаточно длительного времени сохранялась некая «инерция движения», что дает нам основания утверждать: 1917 год не является рубежом для развития книговедения и библиографии в России; новые тенденции начали активно проявляться со второй половины 1920-х гг. и к началу 1930-х гг. привели к необратимым и негативным изменениям в развитии этих наук.

Однако именно 1920-е гг. являются одним из наиболее плодотворных периодов развития науки о книге в России. В это время российское книговедение формировалось на основе теоретических достижений предшествующего периода, сохраняя преемственность (именно поэтому мы и говорим, что книговедческий этап науки о книге в России продолжался в 1910–1920-е гг.). Становление книговедческой проблематики происходило также под влиянием зарубежных книговедческих концепций, анализ которых подтверждает, что разработка книговедения как комплексной науки в России велась в рамках общеевропейской традиции, и все европейское книговедение 1920-х гг., включая и российское, развивалось в едином русле, испытывая взаимное влияние. Тенденции формирования книговедения соотносились с общими тенденциями развития гуманитарных наук того времени, процессами создания научного гуманитарного знания. Книговедение в 1920-е гг. не было профессионально

изолированным и использовало те научные достижения гуманитарных, социальных и даже естественных дисциплин, которые могли быть применены в науке о книге. А пристальное внимание к проблемам философии позволяло создавать книговедческие концепции на основе философских учений – чаще всего это были популярные в то время философские и социологические концепции позитивистов и сменившие их неокантианские учения. Подобная философская основа позволяла генерировать книговедческое знание на достаточно высоком теоретическом уровне.

В книговедении 1920-х гг. легко выделяются определенные направления, основатели которых ориентировались на методологию тех или иных родственных дисциплин при формировании книговедческой методологии.

Так А.М. Ловягин создавал свою систему на основе социологии О. Конта и рассматривал книговедение как отрасль социологии: «Книговедением называется наука о книге как общении людей между собой» [9, 3].

Н.А. Рубакин считал, что книговедение (или библиология) как «научная теория книг» это есть библиопсихология, она должна рассматривать книгу и читателя как психические явления. Рубакин строил свою концепцию на стыке психологии, нейрофизиологии, лингвистики и, конечно, книжного дела [12].

М.И. Щелкунов полагал, что усовершенствовать систему книговедения и привести ее к современному уровню науки возможно лишь в том случае, если использовать категории политэкономии. И хотя последовательно реализовать этот принцип он не смог, однако в предисловии к своей книге «История, техника, искусство книгопечатания» писал, что рассматривает книгу не как «духовную сущность идеалистического порядка», а как материальный предмет, «вещь», а так как вещь является предметом потребления, на производство которого затрачиваются человеческие силы, то она становится товаром. В связи с этим и библиология (или книговедение) должна трактоваться как «книжное товаро-ведение» [21].

М.Н. Куфаев, будучи историком и по образованию, и по призванию, формировал методологию книговедения по аналогии с методологией исторической науки. В его трудах часто можно встретить обращения к трудам знаменитых историков, создателей российской исторической науки – А.С. Лаппо-Данилевского и Н.И. Кареева. Очень сильной в концепции Куфаева была и философская основа. При построении своей книговедческой концепции он опирался

на основные положения учения философов баденской школы В. Виндельбанда и Г. Риккерта, и в частности воспользовался их разделением наук на идиографические и номотетические, утверждая, что книговедение есть наука идиографическая, так как она изучает единичное в его исторической неповторимости [4; 5; 6; 8].

Искусствоведческий метод использовал в своих теоретических книговедческих построениях А.А. Сидоров; именно он активно вводил в научный оборот понятие «искусство книги», обосновывая его во многих своих работах, а в первую очередь в фундаментальной статье «Книга как объект изучения и художественные элементы книги» [13].

Книговедение в 1920-е гг. рассматривалось как научная дисциплина, изучающая книгу всесторонне в качестве одного из продуктов человеческой культуры и одновременно как фактор, влияющий на ее развитие. Подчеркивалось историческое и социологическое значение книги; формировалось представление об эволюционности не только самой книги как целостного явления, но и отдельных ее элементов; выявлялась специфика книги как объекта изучения в книговедении и ее взаимосвязь с другими объектами, в частности с автором и читателем; анализировались разнообразные аспекты изучения книги отдельными книговедческими дисциплинами и соответственно выстраивалась система этих дисциплин – формировалась структура книговедения. Так как книга выступала в качестве единого объекта для всех книговедческих дисциплин, то каждая из них должна была изучать этот объект с помощью своих методов – так формировалась методология отдельных книговедческих дисциплин. Исследование процессов производства, описания, распространения и использования книги являлось основой, позволяющей связать эти дисциплины воедино.

Функциональным назначением книги считалось сохранение и передача некоего содержания, которое разные книговеды трактовали по-разному; наиболее типичным было представление о том, что книга отражает и передает знания, накопленные человечеством. Книговеды 1920-х гг. в своих исследованиях руководствовались следующими принципами: а) историзма; б) системности; в) целостности, определяя соотношение содержания книги и ее формы как некую целостность; соответственно книга в их работах рассматривалась одновременно как объект и духовной, и материальной культуры; г) логической детерминации, в соответствии с которым выявлялись связи и отношения между

семантическими элементами книги, отдельными книгами и множеством книг – в книжном мире в целом. Складывался функциональный подход к изучению книги. В книговедческих концепциях того времени, представлявших общие системы науки о книге, много внимания уделялось выявлению системообразующих связей в рамках книговедения.

Изменения в структуре книговедения происходили за счет увеличения количества отдельных книговедческих дисциплин и усложнения их научной проблематики. Так, осознание историчности не только книги в целом, но и отдельных ее элементов привело к выделению в качестве самостоятельных объектов изучения иллюстраций, шрифтов, переплета, бумаги. Исследование книги как одного из субъектов социальных систем способствовало появлению библиосоциологии, а акцентирование внимания на психологических процессах взаимодействия книги с читателем породило библиопсихологию и т. д. Совокупность сформировавшихся в 1920-е гг. конкретных книговедческих наук позволяла изучать объект комплексно, в разных аспектах и с разных точек зрения.

В конце 1920-х гг. появились работы, в которых предпринимались попытки обобщить накопленные к тому времени теоретические достижения в области книговедения. К таким работам можно отнести монографию М.Ф. Яновского «О книге» (1929), «Словарный указатель по книговедению» (1924; 1931–1934. Т. 1–3) А.В. Мезьер, работы Н.М. Сомова [14; 15]. Это работы очень разные по содержанию, по задачам и целям, по форме подачи материала, однако их объединяет одно: их создатели стремились представить предшествующий опыт. Яновский постарался собрать существовавшие к тому времени определения понятия «книга» и выявить типические черты этого явления, Мезьер по возможности полно выявила написанные к тому времени работы российских авторов по вопросам книговедения и систематизировала этот материал в своем библиографическом указателе; работы Сомова справедливо названы «энциклопедией книговедения», так как он сумел очертить круг книговедческих проблем, разрабатываемых в 1920-е гг., и охарактеризовать сложившиеся к тому времени представления о составе книговедения – о комплексе входящих в него дисциплин.

Конечно, система книговедческого знания в 1920-е гг. не обладала законченностью, это была система открытая, развивающаяся. Книговедение форми-

ровалась в условиях постоянно умножающегося и усложняющегося знания. Однако основная проблематика книговедения была обозначена или намечена в трудах исследователей 1920-х гг.; более того, мы считаем, что истоки многих современных книговедческих концепций легко прослеживаются в их трудах. Концептуальность выдвинутых положений, общий уровень теоретических обобщений, его соотнесенность с разработками в других науках того времени и с науковедением в целом, опора на философские учения позволяет говорить о достаточно высоком уровне развития науки о книге в то время.

Правда, значительное увеличение количества конкретных книговедческих дисциплин, изучающих разные аспекты книги, усложнение и углубление их проблематики во второй половине 1920-х гг. привело к тому, что связи между ними становились все более проблематичными. Каждая из представленных в книговедческом комплексе дисциплин обладала историческим своеобразием, имела свои истоки и проходила свой путь исторического развития. Книговедение в 1920-е гг. трактовалось одновременно и как обобщающая наука, и как понятие, объединяющее комплекс отдельных книговедческих дисциплин; вопросы теории и методологии в первую очередь решались применительно к каждой конкретной книговедческой дисциплине, поэтому в 1930-е гг. начинает формироваться убеждение, что единого книговедения нет и быть не может.

Конечно, книговедение как наука в 1920-е гг. только начало последовательное формирование своей проблематики и за короткий срок не могло выработать ни общепризнанных систем книговедческого знания, ни последовательно разработанной теории и методологии. Тем не менее его достижения были весьма значительными, что подтверждает многочисленность книговедческих концепций, многоаспектность в изучении книги и соответственно появление целого ряда книговедческих дисциплин, стремившихся найти пути взаимодействия между собой, вписать книговедение в общую систему наук, используя для этой цели, помимо собственных, общенаучные методы, принятые в то время.

Становление библиографической науки (библиографоведения) исследователи также относят к 1910-м гг. Существование библиографии в течение XIX в. – начала XX в. в качестве обобщающей науки для всего комплекса книговедческих дисциплин привело к парадоксальному положению: формировалась проблематика науки о книге в целом, в то время как научная проблематика собственно библиографии складывалась довольно медленно и лишь после появления книго-

ведческих концепций в начале XX в. получила определенный толчок и стимул для развития.

В 1920-е гг. окончательно утвердилось понимание библиографии как одной из книговедческих дисциплин – науки об описании книг. При этом развитию библиографической науки не только не препятствовала, но и способствовала ее связь с книговедением. Утверждалось, что библиография как наука имеет объект – книгу (общий для всех книговедческих дисциплин), самостоятельные задачи, а используя присущие ей методы (и среди них главный – метод библиографического описания), она формирует библиографическое знание – знание о книге. При этом библиографическое изучение предполагало рассмотрение не только единичного объекта – книги как системы конструктивных элементов, но и всей совокупности книг, накопленных человечеством, что позволяло включать библиографию в один ряд с науками историко-культурными. Библиография трактовалась как самостоятельная наука в тех ее проявлениях, где она реализовывала историко-культурную функцию, стремясь упорядочить и представить в обозримом виде совокупность накопленных человечеством произведений письменности и печати, и как вспомогательная дисциплина в тех случаях, когда она осуществляла библиографическое обеспечение конкретных отраслей знания, предметных областей.

Библиография рассматривалась в тесной связи с системой научного знания в целом, и для изучаемого периода была характерна ее трактовка как научной дисциплины, позволяющей упорядочить эту систему. И хотя термин «документальный поток» в работах 1920-х гг. не использовался (в некоторых работах применялся термин «книжный поток»), представление о документальном потоке и его фрагментах постоянно в них присутствует. Функциональные свойства документального потока: отражать культурные достижения цивилизации, хранить и накапливать полученные сведения, служить средством их передачи грядущим поколениям, а также представления о динамичности книжного потока были хорошо известны теоретикам 1920-х гг. Ими предпринимались первые попытки изучения документального потока в виде системы выводов и обобщений из совокупности собранного в библиографических трудах материала.

Наиболее значимой в научном отношении в 1920-е гг. была концепция «библиография – наука» (один из ее создателей М.Н. Куфаев) [2; 3; 7]. Ее создатели, рассматривая библиографию как науку об описании книг, прослежи-

вали функциональную зависимость между элементами книги, зафиксированную библиографическим способом. Важным было и понимание генетической взаимосвязи отдельных элементов изучаемого объекта, что дало основание поставить вопрос об историческом характере библиографического знания. При этом трактовка библиографии как науки описательной не препятствовала ее развернутому теоретическому обоснованию. Главные задачи, которые ставились перед ней, – синтез библиографического знания и выработка особых приемов и методов познавательной деятельности. Определение «библиография – книгописание» использовалось как рабочее, при этом большая часть библиографов 1920-х гг. отвергала утилитарный, упрощенный подход к библиографии. «Библиография – книгописание» – это и есть наука в представлении теоретиков 1920-х гг., поэтому противопоставление в работах некоторых современных исследователей библиографии как книгописания и библиографии как науки применительно к 1920-м гг. неправомерно.

Библиографы того периода осознавали, что следует изучать не только объект науки, но и саму науку. Наиболее сложным для них (в особенности для представителей концепции «библиография – наука») было вычленить практический раздел библиографии и установить соотношение практики библиографической деятельности с библиографической наукой, так как процессы создания библиографических трудов одновременно рассматривались и как процессы формирования научного библиографического знания, поэтому в качестве библиографической практики некоторые из них рассматривали «прикладную» библиографию, к которой относили отраслевую, краеведческую, рекомендательную и т. д. – все те виды библиографических работ, которые, по идее, должны были создаваться на основе «общей» библиографии (М.Н. Куфаев); другие (Н.В. Здобнов) относили к практике все «производственные» библиографические процессы, т. е. процессы создания любых библиографических пособий, а под библиографическим знанием понимали теоретическое и историческое научное знание. Определение библиографии, формулируемое библиографами 1920-х гг., отражало целостное ее понимание как практической деятельности по описанию книг и как научной деятельности, синтезирующей научное библиографическое знание.

В 1920-е гг. предпринимались попытки структурирования библиографии; наиболее распространенной была точка зрения, в соответствии с которой в структуре библиографии выделялись практика, теория и история, а также свод

правил (названный позднее методикой), который чаще всего включался в теорию, составляя ее технологическую часть, однако иногда рассматривался и отдельно. В некоторых концепциях в качестве одной из структурных частей выделялась методология, задачей которой считалась разработка системы методов, используемых библиографией как наукой. Таким образом, исследователи 1920-х гг. пытались разграничить сферы практической библиографической деятельности и примыкающей к ней методики библиографирования и проблематику библиографической науки, в которую в тот период стало включаться и изучение самой библиографии. При этом формирование теоретического и методологического разделов библиографической науки осознавалось как самостоятельная задача, а функцией библиографии в целом считалось изучение единого для всех книговедческих дисциплин объекта – книги – с помощью особых методов; результатом такого изучения являлось формирование системы библиографического знания. Поскольку считалось, что объект и практической деятельности, и науки – один и тот же – книга, то на практике осуществляется описание объекта в соответствии с выработанными технологическими правилами, а в научной сфере, в теории, конструируется система понятий и выявляются закономерности создания и функционирования системы знания.

Одной из основных проблем, которые обсуждались в 1920-е гг., была проблема видовой структуры библиографии, отразившая достаточно сложный процесс трансформации исторически возникших направлений библиографии в ее виды, которые в тот период рассматривались как совокупности библиографических пособий, выделенных по определенным критериям. Решение проблемы осложнялась неупорядоченностью библиографической терминологии, так как терминосистема отрасли лишь начинала складываться. В представлении деятелей тех лет основной классификационный ряд видов библиографии должен был исчерпывать все многообразие библиографических явлений одного порядка. Ориентируясь на отразившиеся в библиографических пособиях методические и теоретические принципы, т. е. используя метод распределения, библиографы предлагали не только группировку библиографических пособий, но и стремились выявить признаки видообразования, на основе которых можно было бы создавать соответствующие классификации видов библиографической продукции. В тот период создавались как одноаспектные, так и многоаспектные классификации видов библиографических пособий. В многоаспектных класси-

фикациях признаки социального и методического характера приводились параллельно, иногда в качестве основания деления использовался комплексный критерий, их совмещающий. Однако поскольку к началу 1930-х гг. сформировалось представление о приоритете социальных признаков, то в классификациях стал выделяться основной ряд, в который, по мнению деятелей того периода, следовало включать основные виды библиографии, выделяемые по социальному признаку. Как правило, это были признаки, определяющие внешние (с точки зрения деятелей того периода) отношения библиографии со средой и по-разному формулируемые теоретиками (принципы социального, целевого назначения; читательский адрес и т. д.). Признаки методические отражали внутреннюю сущность библиографии – способы создания библиографических работ; большинство библиографов считали их производными, вторичными по отношению к признакам социальным. Таким образом, уже в 1920–1930-е гг. библиографы достаточно продуктивно занимались проблемами классификации, которые оказались в центре внимания библиографической науки позднее – в 1970–1980-е гг.

Со второй половины 1920-х гг. в СССР начала осуществляться перестройка науки на принципах марксистской методологии. Это нашло свое отражение в книговедении и библиографии. Интересные и научно значимые методологические и теоретические искания книговедов, многообразие создаваемых концепций, различие подходов к изучению книги как объекта книговедения и самого книговедения как науки, целенаправленная разработка проблематики многочисленных и все возникающих конкретных книговедческих дисциплин сменяются в 1930-е гг. однообразными идеологическими установками на изучение классового характера книги, непризнанием других методологических систем, кроме марксистской, и более того – призывами вести борьбу с ними. Декларируя необходимость перестройки науки на принципах диалектического и исторического материализма, научно обосновать и раскрыть методологию этих подходов в книговедении и библиографии деятели 1930-х гг. не смогли, а вместо этого, зачеркивая весь предшествующий опыт науки, предлагали набор определенных догматических суждений. Так, в качестве главного постулата выдвигалось положение о книге как особой форме идеологии, а «социологические» установки книговедения сводились, в основном, к учению о классовой борьбе. Научным книговедением было объявлено лишь то, которое использовало для

своих теоретических построений «правильный» метод; книговедение, создаваемое на принципах иной, не марксистской методологии, было объявлено ненаучным. Такой подход не давал возможности объективно оценить вклад тех или иных деятелей в развитие книговедения, справедливая критика отдельных положений книговедов предшествующих периодов тонула в массе оценок, ничего общего с научной критикой не имевших.

Позднее исследователи при изучении основных процессов становления науки о книге во многом отталкивались от искаженных оценок, в свою очередь также односторонне трактуя процессы развития книговедения 1920-х гг. Так как «буржуазное» книговедение (т. е. все книговедение 1910–1920-х гг.) не было вооружено «научным» методом, теоретики, стоявшие на марксистских позициях, обвинили его в эмпиризме, в отказе от объяснения законов развития книги. Подобные выводы, некритически воспринятые в последующие периоды, привели к тому, что долгие годы существовало представление о российском книговедении 1920-х гг. как о ненаучном, находящемся исключительно на эмпирической стадии развития.

В результате книговедческий процесс 1930-х гг. привел к полному отрицанию книговедения как науки и установке на развитие отдельных книговедческих дисциплин, «правильно» зарекомендовавших себя с идеологической точки зрения; к ним были отнесены библиотековедение, библиография, история книги.

Однако и в библиографии перестройка на принципах марксистско-ленинской методологии, также сопровождавшаяся критикой положений, выработанных в предшествующий период, привела к тому, что ее начали рассматривать как науку об «идеологически-содержательном составе книжной продукции» [1, 66], а протест против подмены понятий и против трактовки библиографии как чисто идеологического явления (выраженный, в частности, Ю.А. Меженко) [10] услышан не был. В первую очередь объектом критики стала концепция «библиография – наука», которую оценили как «беспринципное коллекционирование всякого человеческого опыта», отказываясь тем самым от представлений об историко-культурном характере библиографии и подчеркивая ее вспомогательное значение – направленность на обслуживание конкретных нужд социалистического строительства. С конца 1920-х гг. идея вспомогательности библиографии начинает звучать все настойчивее, особенно в работах и выступлениях Л.Н. Троповского [16; 17; 18; 19]. В ответ на потребности нового времени

формируется взгляд на библиографию лишь как на вспомогательную дисциплину, обслуживающую различные сферы социалистического производства. Концепция «библиографии – науки» была объявлена буржуазной, идеалистической. Подобная трактовка встречалась и позднее – в некоторых работах исследователей 1970–1980-х гг., которые утверждали, что теоретические концепции библиографов, отстаивающих самостоятельность библиографии как науки, строились на общем идеалистическом подходе к решению этого вопроса. Возврат к основным положениям концепции «библиография–наука» произошел лишь в 1990-е гг. в связи с развитием когнитологического направления в библиографоведении [20].

Таким образом, в 1920-е гг. развитие книговедческой и библиографической наук шло сложными путями. Было создано немало теоретических работ, наметился круг теоретических проблем, целенаправленно разрабатывалась методология этих наук. Однако со второй половины 1920-х гг. общепринятой стала точка зрения, в соответствии с которой теоретические достижения «классического» книговедения и библиографии считались несовместимыми с установками нового времени и не принимались в расчет при формировании дальнейшей проблематики этих наук. Со второй половины 1930-х гг. проблематика книговедения как обобщающей науки не разрабатывалась; библиография продолжала развиваться, но преимущественное развитие получили не библиографическая наука, а практика (создание конкретных библиографических пособий), и не теория, а организационный и методический разделы библиографии.

Лишь в конце 1950-х гг. вновь возрождается книговедение, а теоретическая дискуссия конца 1950-х – начала 1960-х гг. возродила интерес к теоретическим проблемам библиографии и способствовала дальнейшему развитию библиографической науки.

*Вручено в декабре 2006 г.*

## ССЫЛКИ

1. ГОДКЕВИЧ, М. А. На методологічному роздоріжжі: Нотатки про сучастне книгознавство. *Критика*, 1929, № 9, с. 59–69.
2. КУФАЕВ, М. Н. Библиография как наука и как прикладное знание: [Введение]. Из *Педагогическая библиография: систематический указатель книг и журнальной литературы по вопросам народного просвещения за 1917–1924 гг.* Ленинград, 1925, с. 15–33.
3. КУФАЕВ, М. Н. Библиография – наука. Из *Труды Второго Всероссийского библиографического съезда*. Москва, 1929, с. 37–59.
4. КУФАЕВ, М. Н. *Библиофилия и библиомания: (Психофизиология библиофильства)*. Ленинград: Издание автора, 1927. 120 с. (переиздано в 1980 г.).
5. КУФАЕВ, М. Н. *История русской книги в XIX веке*. Ленинград: Начатки знаний, 1927. 354 с. (переиздано в 2003 г.)
6. КУФАЕВ, М. Н. *Книга в процессе общения*. Москва: Издательство П. Витязева, 1927. 108 с. (переиздано в 2004 г.)
7. КУФАЕВ, М. Н. Предмет и границы библиографии и принципы ее методологии. Из *Библиографическое дело*. Москва; Ленинград, 1927, с. 1–23.
8. КУФАЕВ, М. Н. *Проблемы философии книги*. Ленинград: Начатки знаний, 1924. 72 с. (переиздано в 2004 г.)
9. ЛОВЯГИН, А. М. *Основы книговедения*. Ленинград, 1926. 164 с.
10. МЕЖЕНКО, Ю. О. Нотатки до нотаток. *Критика*, 1930, № 2, с. 89–69.
11. МИГОНЬ, Кшиштоф. *Наука о книге: Очерк проблематики*. Перевод с польского О. Р. Медведевой и др.; Научный редактор Е. Л. Немировский. Москва: Книга, 1991. 197, [1] с. Перевод кн.: MIGON, K. *Nauka o książce: Zagys problematyki*. Wrocław, 1984.
12. РУБАКИН, Н. А. *Психология читателя и книги*: Краткое введение в библиологическую психологию. Москва; Ленинград: Госиздат, 1929. 308 с. Книга Н. А. Рубакина была переиздана в 1977 г., но это издание содержит многочисленные купюры.
13. СИДОРОВ, А. А. Книга как объект изучения и художественные элементы книги. Из *Русская книга от начала письменности до 1800 года*. Москва, 1924, с. 9–32. (Книга в России; Ч. 1).
14. СОМОВ, Н. М. *Состав книговедения. Библиология – библиография – журнализм: К построению системы книговедения*. Русское библиографическое общество при I Государственном Московском университете. Москва, 1931. 98 с.
15. СОМОВ, Н. М. *Сушность книговедения: Библиологический очерк*. Всероссийское общество филателистов. Московское отделение, Секция собирателей книг и экслибрисов. Москва: Сов. коллекционер, 1933. 94 с.
16. ТРОПОВСКИЙ, Л. Н. О связи теоретической и практической библиографии. Из *Труды Первого Всероссийского библиографического съезда*. Москва, 1926, с. 172–173.
17. ТРОПОВСКИЙ, Л. Н. Проблемы рекомендательной библиографии. Из *Труды Второго Всероссийского библиографического съезда*. Москва, 1929, с. 76–82.
18. ТРОПОВСКИЙ, Л. Н. Задачи советской библиографии. *Библиотековедение и библиография*, 1930, № 1/2, с. 26–34.
19. ТРОПОВСКИЙ, Л. Н. Вопросы библиографии на библиотечно-библиографическом совещании. *Красный библиотекарь*, 1937, № 4, с. 52–80; № 8, с. 45–49.

20. ФОКЕЕВ, В. А. *Природа библиографического знания: Монография*. Москва, 1995. 352 с.

21. ЩЕЛКУНОВ, М. И. *История, техника, искусство книгопечатания*. Москва; Ленинград: Госиздат, 1926. XIV, 480 с.: ил.

**RUSSIAN SCHOOL OF BOOK SCIENCE  
IN THE FIRST THREE DECADES OF THE 20<sup>TH</sup> CENTURY**

NATALYA LELIKOVA

Abstract

The period of 1920s appears as the most fruitful phase of book science in Russia, involving a series of bibliological systems by N.M. Lisovsky, A.M. Loviagin, M.N. Kufaeve, A.A. Sidorov, M. I. Shelkunov, A.G. Fomin, N.M. Somov, etc. The three first decades in Russia offered conceptual research emphasizing the historical and sociological values of Book; evolutionary nature both of the Book as a whole and its various elements was postulated. However, with book science in the USSR reformed along the principles of Marxist ideology in the 1930s, methodological and theoretical investigations of Russian scientists gave way to routine ideological focuses on class character of Book. It was not until late 1950s when book science was re-established in Russia.

**RUSŲ KNYGOTYROS MOKYKLA  
PIRMAISIAIS XX AMŽIAUS DEŠIMTMEČIAIS**

NATALIJA LELIKOVA

Santrauka

Trečiasis XX amžiaus dešimtmetis yra vaisingiausias knygotyros mokslo laikotarpis Rusijoje. Tuo metu pasirodė įvairių bibliologijos koncepcijų, sukurtų N. M. Lisovskio, A. M. Loviagino, M. N. Kufajevo, A. A. Sidorovo, M. I. Ščiolkunovo, A. G. Fomino, N. M. Somovo ir kt. Pirmuosius tris dešimtmečius Rusijoje vyko konceptualūs tyrimai, pabrėžiantys istorinę ir sociologinę knygos vertę, evoliucinę knygos ir įvairių jos elementų prigimtį. Tačiau, kai knygotyra Rusijoje buvo pertvarkyta vadinamosios marksistinės ideologijos pagrindu, Rusijos mokslininkų vykdytų metodologinių ir teorinių tyrimų vietą užėmė ideologiniai knygos klasinio pobūdžio įrodinėjimai. Knygotyra Rusijoje buvo atgaivinta tik šeštajame dešimtmetyje.